

БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА БОРИСА АКУНИНА
ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

ИСАИ
КАЛАШНИКОВ

ЖЕСТОКИЙ
ВЕК

а.в.

Книга 1
ГОНИМЫЕ

Небо звездное, бывало,
Поворачивалось —
Вот какая распря шла
Всенародная.
На постель тут не ложились,
Все добычей поживлялись,
Мать широкая земля
Содрогалась —
Вот какая распря шла
Всеязычная.
*«Сокровенное сказание»,
монгольская хроника 1240 г.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Крытый возок, запряженный двумя волами, медленно двигался по степи. За возком шагала подседланная лошадь.

Над выжженной зноем степью висело горячее солнце. Разморенные жарой, волы шли, понуро опустив головы, над их мокрыми спинами кружилась мошка, под колесами сухо шелестели стебли ковыля — дэрисуна.

Оэлун сидела в задке повозки. По ее лицу, детски округлому, катились капли пота и падали на подол шелкового халата — ее свадебного наряда. Глаза Оэлун были широко открыты, но она не видела ни серых метелок дэрисуна, ни одинокого облачка над степью, не чувствовала зноя, — она была далеко отсюда, где остались мать и братья, ее детские игры и забавы.

На ее проводы собрались многие соплеменники — олхонуты. Пели песни, шутили, состязались в остроловии, всем было весело, ей тоже: она всегда любила праздники, а это был ее праздник — в ее честь, в честь ее жениха слагали песни и пышные юролы-благопожелания. Ее сородичи славились веселым нравом, песнями и красавицами девушками. За много дней пути, порой даже с берегов неведомого Байкала, порой от Великой стены — предела царства китайского Алтан-хана, — приезжали к ним за невестами...

Первый день пути прошел незаметно. Она вспоминала прощальный пир, про себя напевала сложенные в ее честь песни, украдкой посматривала на своего жениха. Он был ей по душе, ее Чиледу. Высокий, крепкий, лицо открытое, приветливое; такой, она знала, зря не обидит и в обиду не даст.

Этот день был для Оэлун как бы продолжением праздника. Но вечером, когда они остановились на ночлег и Чиледу велел

ей приготовить ужин, она как-то сразу, в одно мгновение, осознала крутую перемену в своей жизни, поняла, что покинула родной нутуг — кочевье — не на день, не на два, навсегда. Ей стало так тоскиливо, что, позабыв про ужин, она села на землю, закрыла лицо руками и горько заплакала. Чиледу удивленно заморгал глазами, наклонился над нею, провел ладонью по голове, ничего не сказал. Она не дала воли слезам, вытерла глаза полрой халата, стала разводить огонь. Но тоска из сердца не уходила. Кончилась ее беззаботная жизнь. Теперь она должна готовить пищу, шить одежду, седлать мужу коня, править повозкой во время перекочевок...

Чиледу не досаждал ей разговорами, его широкое лицо все время было спокойно-ласковым, в узких бесхитростных глазах светилась участливая улыбка. И она была благодарна ему за эту улыбку, за молчание.

И сейчас, сидя в задке повозки спиной к Чиледу, она ощущала на затылке его взгляд. Все время казалось, что жених желает что-то сказать, но разговаривать совсем не хотелось, и она сидела не оборачиваясь.

— Оэлун, — позвал он.

Она слегка повернула голову.

— Хочешь кумыса, Оэлун?

Только теперь она почувствовала, что от зноя во рту пересохло. Молча кивнула. Чиледу налил в деревянную чашку кумыса из бурдюка, уложенного в повозку ее матерью. Кумыс был теплый и кислый, от него засвербило в носу.

— Скоро будет Онон, — сказал Чиледу, завязывая бурдюк. — У воды покормим волов и лошадь, отдохнем до вечера. Дальше поедем ночью. И прохладнее, и безопаснее.

В этот день Чиледу все время держал на коленях лук с боевой стрелой, рядом, под рукой, лежал обнаженный меч с рукояткой из рога изюбра.

— А какая тут... опасность? — без интереса, чтобы хоть что-то сказать, спросила она.

— Тут кочует худое племя. Мы, меркиты, все время в споре с этим племенем. Недавно воевали. Они убили нашего повелителя Тудур-билге, тяжело ранили его сына Тохто-беки.

Чиледу говорил, тревожно вглядываясь в степь. Но кругом не было ни души, только изредка перекликались в чахлой траве суслики.

Вскоре местность стала заметно ниже, а земля не такой сухой и твердой. Впереди, расплываясь в горячем дрожащем воздухе, показалась темная гряда тальниковых зарослей. Волы, по-

чуяв воду, пошли быстрее, конь Чиледу поднял голову, запрядал ушами.

На широкой луговине, в тени кустарника, Чиледу распряг волов, стреножил лошадь. Оэлун села на берегу. На реке вспыхивали слепящие блики, волны тихо всхлипывали у затравенвшегося берега. Чиледу присел рядом, притронулся рукой к ее плечу.

— Не печалься, Оэлун. У нас все будет хорошо, вот увидишь. Род мой не богат и не знатен, но я умею работать и метко стрелять. На Селенге много зверей. Я буду стараться, Оэлун, чтобы тебе жилось не хуже, чем в юрте самого знатного нойона.

Оэлун слушала молча, смотрела в воду Онона. По дну текли, не взмучивая чистой воды, и уносились вниз струйки песка. Неторопливая, раздумчивая речь Чиледу успокаивала. Оэлун попробовала представить свою жизнь там, на берегах Селенги, в кочевьях меркитов, но из этого ничего не получилось, она видела перед собой одно и то же: юрты у светлого озера, окаймленного высокими зарослями камыша, скудноотравые степи с белыми пятнами солончаков — гуджиров — родной нутуг олхонутов.

— Селенга такая же, как Онон? — спросила она.

— Много больше. Редкий багатур в силах перекинуть стрелу из лука с одного берега на другой.

Чиледу наломал сухих тальниковых палок, высек кресалом огонь, но тут же и угасил, опасливо оглядываясь.

— Ты боишься? — спросила Оэлун.

— Дым далеко виден, — уклончиво ответил Чиледу, нахмурился.

Она чувствовала, что ему не хочется выглядеть в ее глазах трусом, сказала:

— обойдемся без огня.

Чиледу упрямо дернул головой:

— Нет, мы разведем огонь.

Он снова ударил кресалом по кремню.

Над огнем Чиледу растопырил походную треногу тагана, повесил на нее котелок с водой. Все это проделал ловко, быстро, без опасливых оглядок. И Оэлун подумала, что вечное синее небо послало ей хорошего жениха.

Чиледу сбросил с себя халат, сидел на траве голый по пояс, пестрая тень испятнала его смуглую кожу; блаженно улыбаясь, следил за каждым движением Оэлун.

Лошадь, щипавшая траву, неожиданно подняла голову, призывно заржала. Из-за кустов тальника донеслось ответное ржание.

Чиледу вскочил, метнулся к повозке, схватил лук и меч, вернулся к огню, подняв Оэлун, толкнул в возок и задернул полог.

Страха у Оэлун не было. Она чуть отодвинула полог, выглянула наружу. На луговину выехал одинокий всадник на белоногой рыжей лошади. На нем был халат из грубой шерстяной ткани, но оружие — кривая сабля, колчан со стрелами — украшено серебром, а седло и уздечка — медными резными пластинками. Оэлун удивило, что обнаженная голова всадника была под цвет масти его лошади — рыжей. Небольшие косички, заложённые за уши, поблескивали так, будто были отлиты из меди. Она еще никогда не видела людей с рыжими волосами. И глаза у него не такие, как у всех людей, — не карие или черные, а серо-зеленые. Может быть, это и не человек? Тогда кто же? Дух добра или зла?

Не спуская настороженного взгляда с Чиледу, всадник напряженным голосом поздоровался. Чиледу ответил невнятно, его руки сжимали лук, готовые в любое мгновение натянуть тетиву.

Всадник, окинув взглядом поляну и, видимо, убедившись, что здесь больше никого нет, успокоился, насмешливо спросил:

— Чего ощетинился? Откуда такой взялся?

— Издалека, — буркнул Чиледу, опустил лук, присел к огню.

— Меркит? — спросил всадник.

— Да.

— Это сразу видно. Всякий другой пригласил бы гостя отведать пищи, освежиться кумысом — так велит обычай степняков. Древние обычаи не для вас, заносчивые меркиты?

— А разве древний обычай велит тебе, гость, приставать с расспросами? — угрюмо проговорил Чиледу. — Садись, я налью тебе кумысу.

Всадник засмеялся.

— С этого бы и начинал. Но я не буду пить твоего кумыса, меркит. Что ты делаешь здесь, так далеко от своего нутуга? Кто тебя послал сюда? Зачем? — Всадник наклонился, резко отдернул полог и заглянул в возок. — Ого!

Оэлун совсем рядом увидела его удивленные глаза, отодвинулась.

— Как тебя зовут, прекрасная девушка?

— Оэлун^{1*}, — недружелюбно отозвалась она.

— Какое же ты облако! — В широкой улыбке блеснули его белые ровные зубы. — Ты не облако, ты грозная тучка! А меня,

---

* Здесь и далее см. Примечания на с. 913.

красавица, зовут Есугей. — Он повернулся к Чиледу: — Если это твоя сестра, меркит, видит небо, я готов стать вашим зятем. — Удало подбоченился.

— Она моя невеста.

— Невеста?! — Улыбка медленно стекла с его лица, оно стало жестким. — Неве-е-ста... Что ж, вези ее домой. — Еще раз глянул на Оэлун. — Если твой жених когда-нибудь подымет против нас оружие, ты останешься вдовой — знай это. И ты, жених, запомни мои слова!

Он рванул повод, ускакал, ни разу не оглянувшись.

Чиледу смотрел ему вслед, торопливо вытирал потный лоб.

Кое-как перекусив, запрягли быков. Пока собирались, Чиледу все время оглядывался, прислушивался, бормотал: «Будь ты проклят, красноголовый шакал!» Он немного успокоился, когда града тальников и жарко блестящая излучина Онона остались позади.

— Ты знаешь этого человека? — спросила Оэлун.

— Я знаю его племя. Во всей степи не найдешь таких заDIR и забияк, как эти тайчиуты.

— Почему у него волосы и глаза не черные? У них все такие?

— Не все. Есть у них один род рыжеголовых. Они считают рыжие волосы и серые глаза знаком своего божественного происхождения. Ты слышала, как он разговаривал со мной? Это не потому только, что тайчиуты побили наше племя. Всех на свете людей эти рыжеголовые считают ниже себя. Как же, они созданы самим небом!

Чиледу сорвал злость на быках — того и другого хлестнул плетью, и на их потных спинах легли темные полосы.

— Это как — созданы небом?

Взглянув на нее, Чиледу смягчился.

— От стариков слышал я, что много-много лет назад у владельца Баргуджин-Токума была дочь-красавица Баргуджин-гоа. Ее взял в жены Хорилтай-мэрген из племени хори-туматов. У них родилась дочь Алан-гоа. Хорилтай вместе с женой и дочерью прикочевал в эти места. Алан-гоа вышла замуж за Добун-мэргена. Добун вскоре умер, оставив молодую жену с двумя сыновьями. Тут-то и начинаются чудеса. Мужа нет, а Алан-гоа рождает одного, второго, третьего сына. «Как же так?» — спрашивают у нее. Алан-гоа рассказывает, что каждый вечер, как только стемнеет и на небе зажгутся звезды, в ее юрту через дымовое отверстие проникает луч света и превращается в светловолосого молодого человека. От него и дети.

Наши старики говорят и другое. Не через дымовое отверстие, а через полог юрты, не луч света, а безродный работник Маалих проникал по ночам к Алан-гоа.

Чиледу замолчал, зорко вглядываясь в серо-желтую равнину бескрайней степи.

Глава 2

Оставив Чиледу с невестой, Есугей направился к синеющим вдали холмам. Там он собирался поохотиться на степных птиц. Но предстоящая охота — любимое занятие Есугея — мало занимала его. В мыслях он все время возвращался к внезапной встрече. И дурак же этот меркит! Расположился, как в своем родном нутге. Надо было отобрать у него и лошадь, и быков, и невесту, а самого заставить пасти стада. Это было бы справедливо. Враг всегда остается врагом. Почему же отпустил его целым и невредимым? Может быть, как раз потому, что этот меркит такой простак и растяпа? Нет, пожалуй, нет. Такие вот харачу никогда не вызывали его жалости и сочувствия. Ни ума, ни отваги. Будь на месте этого меркита он, Есугей, разве позволил бы кому бы то ни было заглядывать в повозку? А какая невеста досталась этому простаку! В память так и врезалось ее лицо: в сумраке повозки сверкают сердитые глаза, а на густых бровях, как роса в траве, блестят капельки пота. Скорей всего из-за нее и не тронул меркита. Но правильно ли сделал? Что, интересно, сказал бы обо всем этом старый Амбахай-хан, его мудрый наставник? Вот уж чего заранее никак не угадаешь. В недавнем сражении с меркитами Есугей пробился к Тохто-беки, молодому сыну вождя врагов. Действуя копьем, а потом и саблей, он нанес Тохто несколько ран. Тот, обливаясь кровью, побежал. Есугей начал настигать его, но лошадь попала ногой в нору суслика, упала. От досады и ярости Есугей чуть не зарубил скакуна. После сражения он старался не попадаться на глаза хану. Но Амбахай сам позвал и сказал:

— Я вижу, ты очень расстроен, но причин для расстройства нет. Тохто-беки должен занять место своего отца. А битый вождь враждебного племени лучше небитого: лишний раз не захочет с нами драться.

Амбахай-хан, друг и преемник знаменитого Хабул-хана, деда Есугея, на многое смотрит совсем иначе, чем другие нойоны племени. После битвы с меркитами нойоны потребовали,

чтобы Амбахай-хан, не медля и дня, двинулся на извечных врагов — племя татар. Есугей тогда думал так же, как все. Меркиты ослаблены поражением и гибелью вождя, пока они оправляются, можно всей силой обрушиться на татар.

Амбахай-хан слушал, никого не перебивал, пощипывал реденький седой ус; у него была привычка всегда пощипывать один и тот же ус, потому другой ус был много длиннее, от этого морщинистое лицо хана казалось перекошенным. Когда все выговорились, он вздохнул.

— Побеждает врага сильный, извлекает выгоду из победы мудрый. Мудро ли идти сейчас войной на татар? Они знают о поражении меркитов. И рассуждают примерно как вы, и готовятся к встрече с нами. Каков будет исход войны, одному небу известно. Но даже если мы победим — что даст нам победа? Алтан-хана встревожит наше усиление. Он пойдет войной на нас. Нам одним не устоять. Значит, нужно думать не о войне, а о мире с татарами. Я поеду к ним сам, без воинов, и попробую угасить огонь старой вражды.

— Они убьют тебя! — сказал Есугей.

— Может быть, и убьют, — грустно улыбаясь, отозвался Амбахай-хан. — Но у нас вряд ли еще будет такой случай установить мир.

С несколькими нукерами Амбахай-хан уехал к озеру Буирнур, месту кочевья татар. Ему давно пора бы возвратиться, но нет ни его, ни вестей о нем.

Лошадь Есугея шла шагом, на ходу пощипывая траву. Солнце перевалило за полдень, но жара не спала, степь была пустынной. Есугей забыл совсем, что он едет на охоту. Мысли цеплялись одна за другую, как звенья цепи, но о чем бы он ни думал, воспоминание о девушке-облаке неясным беспокойством жило в нем. Чем дальше уезжал от тальниковых зарослей на берегу Онона, тем отчетливее становилось это беспокойство. Он уже понимал, что завидует харачу-меркиту.

Есугею давно пора было обзавестись женой. У всех его братьев, даже у младшего, есть жены, а вот ему не повезло. Отец высватал для него невесту в одном из племен, кочующих близ Великой Китайской стены. Но когда пришло время везти невесту домой, на племя напали татары, многих людей поубивали, многих, в том числе его невесту, увели с собой. Потом умер его отец, храбрый Бартан-багатур, потом начались войны, и его юрта до сих пор остается пустой. Оттого он все время пропадает на охо-

те. Если бы очаг его юрты разжигала такая же красавица, как невеста этого меркита...

Еще ничего не решив, он поднял поводья, круто развернул лошадь и во весь опор помчался домой.

Юрты его племени вольно раскинулись на плоской возвышенности у Онона. Табуны лошадей, пережидая жару, стояли в реке, на берегу лежали овцы. В жидкой тени от молодых березок спали пастухи, возле них сидел облезший пес, тяжело дышал, высунув розовый язык.

Есугей спешился у юрты своего брата Некун-тайджи. Стремительно откинув полог, он переступил порог. В юрте было сумрачно и прохладно. У очага, подвернув под себя ноги, сидели братья — Некун-тайджи и Даритай-отчигин. Должно быть, в выражении его лица было что-то такое, что встревожило братьев, оба молча уставились на него в ожидании. Есугей, смирив нетерпение, присел рядом с братьями, выпил чашку кумыса. Обычай не велит уважающему себя человеку уподобляться суетливой сороке. С медлительной почтительностью обратился к хозяину юрты, старшему по возрасту брату:

— Все ли благополучно у тебя?

— Вечное небо покровительствует мне, — так же неторопливо, степенно ответил Некун-тайджи, но вдруг его лицо, толстошеекое, румяное, расплылось в счастливой улыбке. — У меня, Есугей, родился сын. Я назову его Хучаром. Хорошее имя, а?

Некун-тайджи весь сиял от радости. А Даритай-отчигин, не только самый младший, но и самый маленький из братьев, коротышка с тонкими, не мужскими руками, жмурил глаза: казалось, он смеется от радости, но Есугей слишком хорошо знал Отчигина — притворяется. Малый рост, слабосильность испортили его характер. Никогда от души не радуется за братьев, только так вот жмурит свои хитрые глаза.

— Хотите со мной поохотиться? — спросил Есугей.

— Сейчас, что ли? — Некун-тайджи глянул через дымоход на выбеленное солнцем небо. — жарко.

— На кого охота? — Даритай-отчигин всматривался в лицо Есугея, пытаясь понять, чего недоговаривает брат.

— На дикую козу.

— Одни поедем? — допытывался Отчигин, все еще не понимая, что на уме у Есугея.

— Поедем втроем, больше никого не нужно. Но условие — коза мне.

— А нам? — не отставал Отчигин.

— Вам по волю.

— А-а, — протянул Отчигин, кажется, уяснив, на какую охоту зовет брат. — Не опасно? Может быть, поговорим со старшим братом, с Мунгету-Кияном?

— Вола всего два, — засмеялся Есугей. Поднялся. — Быстро собируйтесь. Если вы не поедете, я отправлюсь один.

Глава 3

Солнце село. Воздух стал прохладнее, но от прогретой земли несло сухим теплом. Запах трав, терпкий, дурманящий днем, стал слабее. Усталые быки еле тащили повозку. Копыта глухо стучали по окаменевшей земле. Оэлун нестерпимо хотелось пить. Как о божественной благодати думалось о глотке холодной родниковой воды. Уже несколько раз спрашивала, скоро ли дойдут до источника. Чиледу каждый раз отвечал, что скоро, но впереди стлалась все такая же ровная степь. Оэлун до боли в глазах всматривалась в ту сторону, где небо, охваченное зарей, смыкалось со степью, надеялась увидеть кусты тальника, метелки камыша или высокую осоку — спутников озер и речушек. Заря догорала, серые сумерки сливались с серой степью. Острые глаза Оэлун заметили впереди что-то темное. Наверное, куст тальника.

— Чиледу, посмотри.

Чиледу остановил быков. Перестала шелестеть трава под колесами, наступила тишина, наполненная звоном мошки, и в этой тишине рассыпался дробный стук копыт. Кто-то мчался им наперерез. Такой же стук копыт Оэлун уловила сзади и сбоку.

— Что это?! — Она испуганно прижалась к Чиледу.

Он резко отстранил ее, выскочил из повозки. Звонко тенькнула тетива, и стрела со свистом унеслась в сумерки.

— Эй, меркит, перестань!

Оэлун узнала предупреждающий голос. Это вернулся рыжий Есугей. Страх сразу пропал, ей почему-то показалось, что Есугей не сделает им ничего плохого. Но он тут же рассеял надежды.

— Слушай, меркит, внимательно! Сражаться с нами бесполезно — нас больше. Убежать невозможно — наши скакуны свежи и быстры. Если ты еще раз натянешь лук, твое тело завтра сожрут корсаки.

голос был ненавистен ей. Она остановилась в двух шагах от него, прислушиваясь к звукам за своей спиной. Скорей бы Чиледу уехал. Еще немного — и она не выдержит непосильного напряжения.

Оэлун не заметила, как Есугей поднял копьё. Внезапно ударив дровком по руке, он вышиб нож. Его сильные, с твердыми ладонями руки стиснули ее, зажали рот. Все это он сделал так стремительно и внезапно, что Оэлун даже не сопротивлялась.

Подняв ее в седло, он что-то крикнул и погнал лошадь в степь. Тут только Оэлун опомнилась. Она билась в его руках, царапалась, кусалась. Есугей, ругаясь, положил ее поперек седла, стянул ремнем руки за спиной. Голова Оэлун свесилась к потному брюху лошади, волосы волочились по траве. Беспомощная, теряя сознание, она, как о высшей милости, молила небо и духов-покровителей о смерти.

Очнулась в постели. Вход в юрту открыт, в него вливается поток яркого света и свежего утреннего воздуха; за порогом мягкая трава, на ней висят розовые, малиновые, голубые огоньки росы. Слышны голоса людей, жалобное меканье козленка и скрип повозки. Видно, бежать ей некуда, иначе у юрты была бы стража. А может быть, стража есть...

Оэлун села, обвела взглядом юрту. У стены напротив входа стоит узенький столик, на нем кожаные куклы — онгоны — с засаленными головами — следами жертвенных угощений, второй стол у очага, на нем чаши и большой глиняный сосуд, в очаге под черным, задымленным котлом куча угля и пепла; еще один столик, совсем маленький, с черной блестящей крышкой и резными ножками, стоит у ее постели на снежно-белом, расшитом строчками войлоке; ее постель в восточной половине юрты; напротив, за очагом, еще одна постель, но она пуста; ближе к выходу на стене висят одежда, латы из толстой воловьей кожи, старый, побитый и потертый колчан. Все вещи обычные, знакомые ей с детства, только черный столик, такой блестящий, что в крышку можно смотреться, как в зеркало, она видит впервые. Где она находится? Что с ней будет? Вспомнила своего Чиледу и беззвучно заплакала. Его, наверное, уже нет в живых. Она обещала спасти его и не спасла. Ей тоже надо умереть.

Бесшумно вошла молодая служанка в заношенном халате, молча поклонилась, поставила на маленький столик деревянное блюдо с сушеными пенками, налила в чашу молока. Оэлун, всхлипывая, знаком показала, что ей ничего не нужно.

— Фуджин² должна много есть и мало плакать, — на ломаном языке сказала служанка, грустно вздохнув, присела возле Оэлун. — Слезы испортят твоё лицо.

— Мне теперь всё равно.

— Э-э, не надо так, не надо! — затрясла головой служанка. — Фуджин молодая, красивая — хорошо жить надо.

Она ласково прикоснулась к волосам Оэлун, принялась выбирать из них сухие колючки, нацеплявшиеся во время ночной скачки.

— Ты откуда? Как тебя зовут? — Оэлун перестала плакать, крохотная надежда затеплилась в душе: может быть, эта женщина сумеет помочь ей.

— Я из Китая. Имя мое на вашем языке Хоахчин, на нашем — Хуа Чэн. Недавно я так же, как ты сейчас, убивалась-плакала. Теперь не плачу. Привыкла. Да мне-то что, я простой человек, харачу, по-вашему. Дома была прислугой, тут то же самое. Тут даже лучше. Дома хозяин был собака злая. Бамбуковой палкой по спине бил. Ой-ой, как больно! — Хоахчин повела плечами, плаксиво сморщилась, но тут же засмеялась.

— Как ты сюда попала?

— У моего хозяина был свой хозяин, сильно большой человек. Его сам великий и светлоликий хуанди³ отправил сюда послом. Он взял с собой моего господина, а мой господин взял меня и моего маленького брата Хо. Большого господина и моего господина тут зарезали...

Хоахчин зябко поежилась, отпустила волосы Оэлун.

За стеной юрты послышались легкие быстрые шаги. Хоахчин торопливо поднялась и, кланяясь, исчезла за дверью. Почти тотчас же в юрту вошел Есугей. Он был без оружия, только на широком поясе висел узкий нож, отделанный бронзой. Есугей сел к столику напротив, без любопытства, задумчиво посмотрел на нее, попросил:

— Не сердись, Оэлун, за вчерашнее.

У Оэлун перехватило горло. Через силу выдавила хриплое:

— Где Чиледу?

На мгновение в серых глазах Есугея вспыхнули холодные огоньки, он нахмурился.

— Вы его убили? — прошептала Оэлун, ее взгляд упал на пояс Есугея: если резко наклониться над столиком, можно успеть выдернуть нож.

— Не убили, — с досадой отозвался Есугей. — Ты не хотела его смерти, и он живет. Но если будешь напоминать о нем, я привезу тебе его голову.

Он замолчал. Молчала и Оэлун. В дымовое отверстие влетел овод, стал кружиться по юрте с назойливым жужжанием. Оэлун слушала это жужжание, смотрела на чашу с молоком; в голове, в сердце была немая пустота.

— Оэлун. — Голос Есугея прозвучал как бы издалека, она не подняла глаз, не пошевелилась. — Я не сделаю тебе зла. Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Только смерть заставит меня отказаться от тебя. Запомни это, Оэлун. — Он помолчал. — Мы идем на войну. Если меня убьют, значит, небо не хотело, чтобы я стал отцом твоих детей. В случае моей смерти тебя отвезут домой. Но если я вернусь... Оэлун, ты хочешь, чтобы я вернулся живым? Молчишь?

Есугей поднялся, стал ходить по юрте. Его лицо становилось все более хмурым и озабоченным. Он был совсем не таким, как вчера. Ни едких шуток, ни насмешливой дерзости. Он ходил по юрте, казалось, совсем позабыв об Оэлун. Внезапно остановился, тихо, словно жалуясь, проговорил:

— Они все-таки убили его. И как убили!

— Кого... убили? — У Оэлун мелькнула мысль, что Есугей говорит о Чиледу, что до этого он ее подло обманывал.

— Они убили Амбахай-хана... Да, ты же не знаешь...

Оэлун с облегчением вздохнула. Что ей смерть хана!

— ...Ты не знаешь, кем был для меня Амбахай-хан. Я его любил больше родного отца. Его мудрость была силой нашего племени. Проклятые татары! Они схватили Амбахай-хана и выдали Алтан-хану китайскому. Алтан-хан велел пригвоздить его к деревянному ослу. Толпа зевак ходила смотреть, как умирает багатур и мудрец. Багатур Хутула, сын славного Хабул-хана, поведет нас, воинов-мстителей. Мы воздадим всем за все!

То, о чем говорил Есугей, было далеко от Оэлун, но против своей воли она прислушивалась к звучанию его голоса. В нем было столько буйной ярости, что ей стало не по себе.

Глава 4

С низовьев Селенги дул ветер, и мутные волны накатывались на песчаную отмель. Чиледу сполз с лошади, пошатываясь от усталости, подошел к воде, лег на песок. Волна, набежав,

окатила его голову и плечи, и он сел, фыркая, растер ладонями огрубевшую кожу лица. Лошадь следом за ним, волоча повод, подошла к воде, долго пила, поводя впалыми боками.

Чиледу смотрел на другой берег реки. Там на пологой сопке высился полосатый шатер, охваченный полукольцом юрт — белых, черных, серых. Над шатром трепыхался туг — хвост яка — на длинном шесте. Вот он и дома. Разве он думал, что возвращение будет таким?

Волны, накатываясь на отмель, рассыпались, вода с шипением скатывалась назад, оставляя на песке извилистую полосу пены. Голенастый кулик суетливо бегал по отмели, что-то выискивал длинным клювом в пене, опасно косил круглый глаз на Чиледу. Лошадь, роняя с мокрой морды капли воды, вышла на берег. Чиледу не спешил переправляться. Всю дорогу он со страхом думал о встрече с соплеменниками. Его ждут с молодой женой, а он... Как он посмотрит в глаза своего отца и в глаза нойона Тайр-Усуна, одолжившего ему повозку и волов? Лучше бы его убили, чем так бессовестно ограбить. Оэлун, где ты сейчас, Оэлун?.. Зачем она спасала его жизнь? Что ему жизнь, если Оэлун не будет с ним? Может быть, ему не нужно показываться в родном курене, уйти вниз по Селенге, в Баргуджин-Токум, в земли хори-туматов — его кровных родичей?

По небу, гонимые ветром, быстро проносились взлохмаченные тучи, и редкие капли дождя падали на землю. Кажется, начиналось ненастье. Чиледу вздохнул. Не поедет он к хори-туматам. И не потому, что там вряд ли кто помнит его деда, захваченного в плен меркитами еще ребенком, не потому, что страшится дальней дороги, нет, он останется здесь, снося насмешки и презрительные улыбки, попросит у Тохто-беки воинов, вернется в кочевья тайчиутов и отобьет Оэлун. Он сегодня же пойдет к Тохто-беки.

Решив так, Чиледу быстро разделся, связал одежду в узел и приторочил к седлу, придерживаясь за стремя, вместе с лошадью спустился в воду.

На другом берегу он оделся, постоял, отыскивая тоскливым взглядом юрту отца. Дождь усиливался, уже не отдельные капли, а струи падали на землю, секли по лицу. В стойбище не было заметно никакого движения, все попрятались в юрты. Хорошо, что его никто не видит...

Пока дошел до своей юрты и расседлал лошадь, промок насквозь. Откинув полог юрты, нерешительно переступил порог.

Из дымового отверстия вместе с дождевыми струями падал скупой сумрачный свет. И глаза Чиледу, не привыкшие к слабому свету, в первое время ничего не различали.

— Это ты, сынок? — слабым, почти неузнаваемым голосом спросил из сумрака отец.

Чиледу пошел на голос, опустился перед постелью отца. С мокрой головы вода поползла на шею, холодок пробежал по спине.

— Как хорошо, что ты приехал!

Теперь Чиледу видел отца. Он лежал, укрытый овчинным одеялом, седые волосы редкими прядями разметались вокруг сморщенного лица с запавшими, тусклыми глазами.

— Мне совсем худо стало, сынок. Предки зовут к себе. Думал, уж не увижу ни тебя, ни твоей молодой жены. Небо услышало мои молитвы.

— Отец...

— Подожди, сынок. Разожги огонь. Там есть немного архи⁴ и сушеного мяса — приготовил для встречи... И покажи мне твою жену.

Сейчас Чиледу больше, чем когда-либо, презирал себя за то, что остался жив.

— Отец, я вернулся один...

Отец приподнялся, сел. Халат на нем был расстегнут, морщинистая кожа дряблыми складками висела на выпирающих ключицах, худые руки с темными ногтями беспокойно двигались по одеялу, будто что-то искали и не могли найти.

— Это я виноват, — еле слышно произнес он. — Нельзя было ехать сейчас. Я боялся не дожить до свадьбы и торопил тебя.

— Я верну Оэлун, отец!

Старик медленно покачал головой.

Чиледу стукнул кулаком по колену.

— Верну! — Он даже думать не мог, что Оэлун навсегда осталась в кочевьях ненавистных тайчиутов.

— Эх, Чиледу... — Отец снова лег. — Ты кто — знатный ной-он? Или сын могущественного хана? У тебя есть отважные нукеры? Эх, Чиледу, Чиледу... Ты всего лишь пастух Тайр-Усуна. Харачу.

— Верну! Верну! — как заклятье, твердил Чиледу. Мокрая одежда липла к телу, его бил озноб.

— Разведи огонь и выпей архи. Отдохни, — со вздохом сказал отец.

— Нет. Я пойду к Тохто-беки.

Он почти бегом пересек курень. У входа в шатер под навесом стоял нукер с коротким копьём.

— Куда разогнался? — остановил он Чиледу. — Тебя приглашали?

— Мне нужен Тохто-беки.

— Тебе нужен Тохто-беки? Но нужен ли ты ему?.. — Нукеру скучно стоять на страже в такую погоду, и он был рад возможности поболтать.

— Пропусти. Я по важному делу.

— У тебя важное дело?! — изумился нукер. — Ты скажи... Э-э, постой, ты же поехал за невестой, так? Уж не на свадьбу ли хочешь пригласить Тохто-беки? А меня? Меня почему не приглашаешь?

Чиледу отвел копьё, шагнул в шатер. Нукер схватил его за руку, потянул обратно, зло прохрипел:

— Я тебе сейчас покажу!..

Шум, видимо, услышали, из шатра вышел Тайр-Усун. Молодой нойон, друг Тохто-беки, высокий, поджарый, с круглыми выпуклыми глазами, устался на Чиледу, чуть двинул бровями.

— Ты?

— Самовольно в шатер лезет! — торопливо говорил за спиной Чиледу нукер.

Тайр-Усун слегка двинул рукой, и нукер замолчал. Чиледу встал на колени, опустил голову. Перед собой он видел гутулы⁵ Тайр-Усуна с загнутыми носками. Широко расставленные, твердо, всей подошвой, притиснули они к земле мягкую зелень травы.

— Что случилось?

— Меня ограбили тайчиуты. Не привез я невесту.

— А повозка?

— И быки, и повозка...

Один гутул поднялся, загнутый носок, будто клюв хищной птицы, нацелился в лицо Чиледу, и он сжался в ожидании удара. Но гутул медленно приблизился к лицу, носок поддел подбородок, поднял голову Чиледу.

— Иди за мной.

Свет, проникая в шатер сквозь красные и оранжевые полосы ткани, все окрашивал в ярко-огненный цвет, словно отблески жаркого пламени лежали на лицах людей, на их одежде. В шатре было много народу, нойоны и уважаемые старейшины племени,

три жены Тохто-беки сидели полукругом, поджав под себя ноги, в центре, на возвышении из войлоков, полулежал Тохто-беки. На короткой шее Тохто-беки темнела повязка, круглую голову он держал набок, будто все время к чему-то прислушивался. Его узкие, острые, как лезвие ножа, глаза скользнули по Чиледу, вопросительно остановились на Тайр-Усуне.

— Явился наш храбрый воин, — сказал Тайр-Усун. — Поехал за шерстью — вернулся остриженным.

— Рассказывай, — приказал Тохто-беки Чиледу и, выслушав, спросил: — Почему ты не дрался? Почему никого не убил?

Чиледу смешался. Как им объяснить, почему он не мог драться с грабителями? Побоялся, что в схватке может быть убита Оэлун, потому опустил оружие. Но это оправдание и самому сейчас казалось невесомым, как дымок жертвенного светильника.

— Ему было не до драки, — сказал Тайр-Усун. — Он бежал, как дикая коза от рыси. Еще и сейчас с перепугу слова сказать не может.

— Я не трус! — торопливо проговорил Чиледу. — Дайте мне десять нукеров, и я верну свою невесту.

— Нет, смотрите, какой храбрец! Всего десять нукеров — и он вернет свою невесту, моих быков, мою повозку. А не прихватишь ли ты, Чиледу, заодно и грабителей? Ты запомнил их? Не спутаешь с другими? — Круглые глаза Тайр-Усуна стали злыми.

Обида тупой иглой вошла в сердце Чиледу. Нойона бесит потеря быков и повозки — это такая малость по сравнению с тем, что потерял он. Ища сочувствия, обвел взглядом лица людей, но ничего, кроме любопытства, эти лица не выражали, и, не замечая злой язвительности Тайр-Усуна, он ответил:

— Ничего я не спутаю. Рыжего Есугея запомнил на всю жизнь.

При упоминании имени Есугея Тохто-беки резко сел и весь скривился от боли. К нему подскочили жены, попытались уложить, но он отстранил их властным жестом.

— Это Есугей отобрал твою невесту?

— Да, этим именем он назвал себя.

— Почему ты не убил его? За эту услугу я наградил бы тебя табуном коней и дал в жены пять лучших красавиц. Не будет мне жизни на земле, пока не вырву его печень! Нойоны и старейшины, мои раны подживают, скоро смогу держаться в седле. Готовьте коней и оружие.

Никто не отозвался. Чиледу, ободренный словами Тохто-беки, с надеждой ждал, что скажут лучшие люди племени. Время шло, молчание затягивалось, и Чиледу обостренным чутьем уловил в этом молчании скрытое сопротивление порыву Тохто-беки.

— Вы снова молчите? — Горестные складки легли возле полных губ Тохто-беки. — Едва я начинаю этот разговор, вы втягиваете язык в гортань. Разве кровь моего отца и вашего повелителя Тудур-билге не вызывает о мести? Разве боль моих ран не стала вашей болью? Или вы, как старая крыса Амбахай-хан, считаете, что мои раны лишили меня мужества? Так знайте: жар из ран переселился в мое сердце. Он сжигает меня. Только вражья кровь угасит этот огонь!

Шаман Турчи, сухонький старик с темным, словно обугленным, лицом, поднял на Тохто-беки красные, воспаленные глаза.

— Кто усомнится в твоей храбрости и решимости победить врагов? Но над всеми нами воля вечного неба. Я семь дней не принимал пищи, не видел дневного света. Я просил духов открыть мне тайну будущего. И духи услышали мой голос. По воле вечного неба ты будешь знаменит и славен, наше племя богато и многочисленно, лесные и степные народы будут покорны твоему слову. Но... Духи хотят, чтобы ты был терпелив и осторожен. Ожидание — твоё лучшее оружие.

— Скажи мне, премудрый Турчи, чего я должен ждать? — вежливо спросил Тохто-беки.

— Этого я не знаю. — Турчи стянул на лбу мелкие морщины, зажмурился, забормотал невнятно: — Темную ночь сменяет светлый день, гнилое дерево молодой росток. Во мраке ночи не вденешь нить в ушко иглы, из трухлявого ствола березы не сделаешь тележную ось. — Шаман открыл глаза. — Жди рассвета. Жди, когда молодой росток станет стройным деревом.

Чиледу видел: слова шамана не по душе Тохто-беки, но он не осмеливается вступать с ним в спор, покусывает губы, сердито дергает угол толстого войлока. Его голова скособочилась еще больше, почти легла на плечо. Жены о чем-то шепчутся и скорбно вздыхают. Выпуклые глаза Тайр-Усуна спокойно смотрят на Тохто-беки, на его жен, на шамана. И Чиледу начинает казаться, что не Тохто-беки, а нойон Тайр-Усун здесь главный.

— Можно сказать мне? — спросил Тайр-Усун.

— Говори.

— Я думаю, премудрый Турчи внятно передал нам все, что открыли ему духи. И нам, если мы не хотим навлечь на себя гнев

неба, не следует до поры обнажать меч. Но и ждать бездельно тоже не следует. Надо искать себе сильных друзей.

— Не направить ли нам послов к государю найманов? — несмело предложил нойон Кудун-Орчан. И, поскольку ему никто не возразил, продолжал уже более уверенно: — С ним считаются даже тангуты и уйгуры, его побаиваются кэрэиты. Будет нашим покровителем — кто сравнится с нами в силе?

— Станет нам помогать хан найманский! — пренебрежительно отмахнулся от Кудун-Орчана Тохто-беки. — Он спит и видит наш улус под своей рукой. Если уж искать помощников, то не здесь, а в стране кэрэитов. Как вы знаете, после смерти хана кэрэитов Курджакуз-Буюрука страну поделили между собой четыре его старших сына. И теперь каждый хочет захватить власть над другими. Одному помогая, другого осаживая, мы добьемся того, что властителем кэрэитов станет тот, кто будет нашим другом.

— Ты умен и дальновиден, — похвалил Тохто-беки шаман Турчи.

Соглашаясь с ним, нойоны, старейшины дружно закивали головами.

Чиледу понял, что все они напуганы последним поражением и ни за что не решатся начать войну с тайчиутами, будут обхаживать соседние племена, а это затянется, быть может, на годы. Тогда прощай Оэлун.

Не смея вступать в разговор, он умоляющими глазами ловил взгляд своего хозяина Тайр-Усуна. Но о нем, кажется, все забыли. У Тайр-Усуна были свои заботы.

— Нам надо ехать в Баргуджин-Токум, — сказал он.

— Там племена малочисленны, какая от них польза? — перебил его Кудун-Орчан.

— Мал жаворонок, да петь умеет, ворон большой, но только каркает! — поучающе сказал Тайр-Усун. — Воины лесных народов находчивы и отважны. Но дело не только в этом. Нигде нет таких искусных звероловов и охотников, как в Баргуджин-Токуме. И только там добывают самый прекрасный мех. Нам нужны шкурки соболей. Много шкурок. Шелковистым мехом и мягким словом мы сделаем с кэрэитами то, чего невозможно добиться острым мечом.

По натянутому полотну шатра стучал дождь, шумел ветер. В мокрой одежде, продрогший, никому здесь не нужный, Чиледу сам себе казался бродячей собакой, терпеливо ожидающей подачи с чужого стола. Он громко кашлянул.

— Ты еще здесь? — удивился Тохто-беки.

— Дайте мне десять воинов! — Чиледу приложил руки к груди. — Я змеей проползу по траве... Я вернусь с Оэлун. И Есугея или его голову привезу.

Тохто-беки опередил Тайр-Усун. Он сказал:

— Есугея ты не привезешь ни живого, ни мертвого, но осинное гнездо разворошишь.

Тохто-беки жестко добавил:

— Ты бежал от врагов быстрее, чем суслик от коршуна. Я тебе не доверю сейчас даже десять захудалых мерингов. Иди.

— Я не могу... Я прошу...

— Прочь! — рявкнул Тохто-беки.

Все еще не веря, что его надеждам пришел конец, Чиледу не двинулся с места. Кудун-Орчан вскочил, подтолкнул его к выходу и пинком вышиб из шатра. Чиледу поскользнулся на мокрой траве, упал лицом в лужу.

Нукер под навесом оскалил зубы.

— Это тебе свадебный подарок, да?

Глава 5

Наступила осень. По утрам на траву ложилась уже не искристая роса, а колючая седая изморозь.

Тайчиуты перекочевали в предгорья Хэнтэйского хребта. Здесь не было бескрайних степей, как на родине Оэлун. Пологие холмы, горы, покрытые лесом, а меж ними речные долины с густой и высокой травой. Горы и леса угнетали Оэлун, мир казался ей темным, мрачным, таящим в себе немую угрозу. Целыми днями она сидела в своей юрте. Вечером, накинув на плечи шубу, выходила наружу, садилась под старой сосной, смотрела на яркие звезды, на искры, вылетающие из дымовых отверстий юрт. В эти часы ей казалось, что она дома. Вот сейчас в центре куреня вспыхнет большой общий огонь, к нему соберутся люди, и старый улигэрч⁶ поведет неторопливую, затейливую речь о багатурах и чудищах, о добрых и злых духах.

О, как она любила такие вечера, с каким трепетом впитывала в себя красочный, жутковатый мир улигэров. В детстве после этих вечеров долго не могла заснуть. С головой забивалась под овчинное одеяло, прижималась к теплому боку матери и, слушая таинственные шорохи ночи, тихо вздрагивала от сладкого

страха. Повзрослев, перестала бояться сказочных чудовищ. Все больше и больше в улигэрах ее занимали подвиги бесстрашных багатуров. Нередко во сне к ней приходил храбрый красавец в золотых доспехах, брал ее на руки, и на чудо-коне они летели над степью к сияющим звездам.

Теперь ей снится только Чиледу. Каждый раз она видит его в грязной, изорванной одежде, с разбитым в кровь лицом. Есугей ни разу не приснился. Она боится его возвращения, не хочет думать о нем, но все равно думает несколько не меньше, чем о Чиледу. И порой происходит непонятное: Есугей и Чиледу сливаются в одно лицо, и тогда ей кажется, что она безнадежно перепутала сон и явь, быль и сказку и скоро сойдет с ума.

Сидеть под старой сосной при свете звезд Оэлун любила еще и потому, что безотчетно ждала: когда-нибудь из темноты бесшумно возникнут всадники, посадят ее в седло, и она навсегда уедет отсюда. Сейчас, когда многие мужчины ушли воевать с татарами, а те, что остались, тревожатся лишь об одном: с чем вернуться воины — отягощенные добычей или искалеченные, к чему готовиться — к радостному пиру или печальным поминкам, — сейчас, как ей думалось, уйти отсюда было бы не трудно. Она ждала Чиледу не день и не два, потом поняла, что он не приедет за ней, и думать об этом перестала, но безотчетное ожидание жило в ней против воли.

Оэлун никто ничем не обременял. Хоахчин и ее братишка Хо, тихий мальчонка, смешно выговаривающий монгольские слова, исполняли любое желание. На людях они держались с ней рабски предупредительно, но стоило остаться одним — оба преображались. Хоахчин без умолку болтала, смеялась, гримасничала. Хо, слушая сестру, чуть улыбался. Он был большим любителем делать разные безделушки. То вырежет телегу, точь-в-точь как настоящую, только маленькую, умещается на ладони, то такую же юрту, то сплетет из ивовых прутьев красивую коробку. И все, что бы ни сделал, дарит Оэлун.

Без них Оэлун зачахла бы от одиночества. К ней почти никто не заходил. Все были вежливы, почтительны, но ее юрту обходили стороной. Лишь брат Есугея Даритай-отчигин (как младший в семье, он остался охранять стада и юрты) время от времени заходил к ней, спрашивал, не нужно ли чего, и принимался рассуждать о делах племени. Как поняла из его слов Оэлун, тайчиуты объединяли вокруг себя много других племен. У каждого племени свои нойоны, но всеми ими правит хан. Сейчас место Амбахай-хана занял Хутула.

— А ты знаешь, кто такой Хутула? — Даритай-отчигин лучил у глаз морщинки. — Тебе посчастливилось. Наш род, род Кият-Борджигинов, из всех потомков праматери Алан-гоа самый прославленный. Кто был избран на курилтае первым ханом? Наш дед Хабул. Кто правит нами сейчас? Брат нашего отца Хутула. Кто будет править после него? Может быть, кто-то из сыновей Хутулы, а может быть, кто-то из нас, сыновей Бартана. — Даритай-отчигин горделиво расправлял узкие плечи.

Он приходил в юрту Оэлун, будто хозяин, зло и визгливо кричал на Хоахчин, за самую малую провинность стегал плетью Хо. Устав от криков и рассуждений о своем прославленном роде, он умолкал и посматривал на Оэлун так, что у нее вспыхивало лицо, ей хотелось плотнее запахнуть полы халата. Весь он, маленький, худотельый, с тонкими, женскими ручками, с масляным блеском в щелочках хитрых глаз, был ненавистен Оэлун, но она молча терпела его. Однажды терпение кончилось.

Как-то Даритай-отчигин по своему обычаю стал рассуждать о делах своего рода.

— Все заботы на мне. Братья воюют, наводят на свои имена золотой блеск славы, а я тружусь с утра до ночи, подгоняя ленивых харачу. Какая мне в этом радость? А если братьев убьют, тогда уж и вовсе все на меня ляжет. Твой Есугей, как безумный, лезет в самое горячее место...

Оэлун не то чтобы забыла обещание Есугея — в случае его смерти будет отпущена домой, — она почему-то ни разу не подумала, что он может быть убит. Но сейчас, слушая Отчигина, вдруг представила себе, что Есугей мертв... Она сразу покинет эту юрту, этих людей. Вот только Хоахчин и Хо будет жалко. А может быть, слуг отдадут ей?

— Тебе что-нибудь говорил Есугей обо мне, когда уезжал? — спросила она Отчигина.

— А что он должен был говорить? — прижмурился Даритай-отчигин.

— Ну, если он... Если его убьют, то...

— Что тут говорить! — перебил ее Даритай-отчигин. — Обычая не знаешь? Его убьют — остаюсь я. Ты будешь моей женой.

— Но я не жена Есугея! Почему я должна перейти к тебе?

— Не жена, так невеста.

— И не невеста!

— Будь ты хоть его собакой, это все равно.

Такого Оэлун не ожидала, вспыхнула:

— Ты врешь, что он тебе ничего не говорил! Врешь, маленький и зловерный хорек!

— Что ты сказала? Что ты сказала? — Даритай-отчигин побелел, его глаза-щелки открылись, и Оэлун впервые разглядела, что они серые с зеленью, как у Есугея.

— Я тебе еще и не то скажу!

— А это видела? — Даритай-отчигин поднял плетль. — Я тебя сейчас научу почтительности! Ты у меня навек запомнишь!..

Оэлун выхватила из очага горящую головню, пошла навстречу ему.

— Уходи отсюда, пока не выжгла твои белые глаза!

Даритай-отчигин попятился, задом вывалился из юрты, Оэлун вслед ему бросила головню.

Немного погодя пришла Хоахчин. Она все слышала, видела позорно отступающего Даритай-отчигина, ее распирало от смеха, она пыталась сдержаться, но это ей не удалось. Зажала рот руками, перегнулась пополам, затряслась, всхлипывая.

Оэлун какое-то время смотрела на нее сердито, потом тоже засмеялась. Впервые за все время, как попала сюда, ей стало весело, вспышка гнева свежим ветром омыла душу.

Перестав смеяться, Хоахчин быстрым испуганным шепотом спросила:

— Что теперь будет? Ой-е, пропала твоя голова!

— Ничего со мной не будет! Не боюсь я их.

Хоахчин с восхищением смотрела на нее и качала головой.

— Красивая фуджин, о-о, какая красивая! Я так тебя люблю! — И тут же улыбнулась. — А он-то, он-то... Задом, задом... Ой-е! Ой-е!

И снова покатила со смеху.

В дверь просунулась недоумевающая рожица Хо.

— Иди отсюда! — прогнала его Хоахчин.

Оэлун поправила в очаге дрова, присела перед огнем. У нее на родине дров нет, там жгут сухой навоз — аргал. Он горит ровным, спокойным пламенем. Огонь в очаге не буйствует, как здесь. Все здесь иное, даже огонь.

— Хоахчин, если я выберусь отсюда, ты поедешь со мной?

— Нет, фуджин, тебе не выбраться отсюда, — вздохнула Хоахчин. — Я бы поехала...

— А тебе хочется домой, Хоахчин?

— Домой? — Она закрыла глаза. — Я не знаю, фуджин. Там мне жилось плохо. Ой-е, как плохо! Но там отец. Он уже ста-

рик. Он так надеялся на меня и на нашего Хо. Теперь у отца никого нет.

— Я буду молить небо, чтобы...

Оэлун недоговорила. В курене возник шум, послышались крики, топот множества ног. Она выглянула из юрты. Люди бежали мимо, вверх по пологому склону сопки, возбужденно размахивали руками.

— Едут! Наши едут!

— Ну вот, — сказала она, — вот...

Примчался Хо, позвал:

— Пошли смотреть!

— Пошли, — сказала и Хоахчин.

Они поднялись на сопку. С ее круглой, поросшей степной полынью макушки видна была долина, прорезанная высохшей речушкой. По долине узкой лентой двигалось войско. Впереди конники, за ними закрытые и открытые повозки и повозки с неразборными юртами, за обозом снова конные. Пыль, поднятая множеством копыт и колес, густым облаком вползала на противоположный склон долины, там, на вершине склона, в лучах предзакатного солнца становилась розовой, и Оэлун казалось: вся долина охвачена пожаром. Тревожная теснота сдавила ее сердце.

Всадники приближались. Уже можно было разглядеть их лица, и толпа на сопке притихла в напряженном ожидании. Тишину разрушил звонкий детский голос.

— Эцэге!⁷ Эцэге! — ликующе завопил мальчишка и бросился вниз, навстречу всадникам, его догнала мать, за ручонку потащила назад.

Усталые лошади медленно поднимались в гору, скрипела под копытами кремнистая земля. Оэлун вглядывалась в темные от пыли незнакомые ей лица воинов. Есугея среди них не было. Всадники поднялись на сопку, встречающие облепили их со всех сторон, и нестройная, бурливая толпа покатила в курень. Оэлун потеряла где-то Хоахчин, выбралась из толпы и пошла в свою юрту.

Курень шумел на тысячу голосов: смех, плач, крики, звон стремян и оружия, скрип повозок и стук копыт — все сливалось в сплошной неутрачивающий гул. Оэлун то садилась у очага, то вскакивала, беспокойно вслушиваясь. Неужели Есугей погиб? Сейчас она не знала, радоваться ей или горевать. Если погиб, что ждет ее? «Неужели отдадут Отчигину? О вечное синее небо,

о великая мать-земля, чем я прогневила вас, за что мне такая доля?»

Хоахчин ворвалась в юрту.

— Везут! Ой-е, везут! — заметалась, раскидывая постель.

Перед юртой остановилась повозка. Нукеры осторожно сняли с нее Есугея. Ими распорядился высокий старик с реденькой седой бородкой. Хоахчин успела постлать постель. Старик сам проверил, мягкие ли войлоки, поднял выше изголовье. Нукеры уложили Есугея, укрыли одеялом. Оэлун приподнялась на носках, через плечи нукеров глянула на Есугея. Бледный, скуластый, он лежал с плотно закрытыми глазами, на виске рядом с рыжей косицей быстро-быстро билась синяя жилка. Живой.

Нукеры ушли. Старик приказал Хоахчин вскипятить воды, поманил пальцем Оэлун.

— Помоги мне.

Он заставил ее поддерживать голову Есугея, сам начал осторожно снимать с его груди грязную, со следами ссохшейся крови повязку. Чуть ниже ключицы темнела широкая рана. Оэлун зажмурилась, отвернулась.

— Боишься? — спросил старик. — Привыкай.

Промыв рану теплой водой, он отвязал от своего пояса кожаный мешочек, достал из него сухие зеленые листья, подержал их над кипящим котлом и, что-то нашептывая, залепил ими всю грудь Есугея. Тот не приходил в себя, тихо, сквозь стиснутые зубы, постанывал; его голова была сухой и горячей. Старик перевязал рану чистой холстиной, заварил в котле какие-то корни и, остудив, напоил раненого.

— Теперь ему будет легче. — Он впервые внимательно посмотрел на Оэлун. — Твои глаза полны печали. Не горюй, дочка, не иссушай свое сердце. Путь каждого из нас предопределен небом. Тут уж ничего не поделаешь. — Помолчал. — Немного погодя ты еще раз дай ему попить этого отвару. Я приду рано утром.

Ночью Есугей начал бредить. В бешенстве выкрикивал какие-то непонятные слова, пытался подняться. Оэлун позвала Хоахчин, они вдвоем прижали его к постели, но он все порывался встать.

— Тише, ну, тише, — вполголоса уговаривала его Оэлун.

Он затих, прижал ее руку к щеке и отчетливым шепотом произнес:

— Эхэ!⁸ Эхэ-э! — застонал капризно-жалобно, как маленький ребенок.

Хоахчин держала над головой светильник и, всхлипывая, говорила:

— Бедный господин! Ой-е, как ему больно!

Оэлун уже не думала о себе. Недавние мысли о своем будущем отлетели прочь. Перед ней был слабый, умирающий человек, и она не хотела, чтобы он умирал, чтобы ему было больно и тяжело. Она гладила Есугея по жестким рыжим волосам, по пылающим щекам, а он все крепче прижимал ее руку, будто эта рука могла помочь ему выбраться из небытия.

Неизвестно, сколько дней и ночей пролежал он в бесспамятстве. Уже мало кто надеялся, что он сумеет подняться. Лишь старик Чарха-Эбуген был спокоен.

— Есугей не умрет. Будет жить Есугей.

Перед юртой он воткнул в землю копьё с насаженной на него черной войлочной лентой — знак того, что здесь находится тяжелобольной и вход в юрту воспрещен. Все заботы о больном легли на Оэлун и Хоахчин. Бессонные ночи измучили их. Оэлун потеряла всякое понятие о времени. И когда Есугею стало лучше, она с удивлением увидела, что пришла зима. Над землей, убеленной снегами, разгуливали злые вьюги. Ветер свистел в ветвях старой сосны, ее ствол тяжко, натужно скрипел, хлопья снега падали в дымовое отверстие юрты и, не долетая до пола, исчезали, расплавленные жаром очага.

Пока Есугей был на грани жизни и смерти, ее сердце переполняла острая жалость, но едва он начал поправляться, как прежнее чувство отчуждения вернулось к ней. Правда, это чувство не было таким острым, как в то время, когда он привез ее в свою юрту, что-то все-таки надлюмилось в ней. Иногда она думала, что если бы он, а не Чиледу, посватал ее на родине, все было бы по-другому. Но он привез ее, положив поперек седла, как вор, похитивший овцу.

По утрам, едва проснувшись, Есугей отыскивал ее взглядом и звал к себе. Она садилась у его постели, опускала глаза.

— Ты почему все время молчишь?

Она пожимала плечами — ну что ему скажешь?

— Мне все время казалось, что рядом моя мать.

— Да, я это знаю. Ты часто звал ее.

— А это была ты. И ты очень похожа на мою мать.

— Да, все женщины похожи друг на друга.

— Ты обижаешься на меня?

Оэлун ничего не ответила. А он все настойчивее спрашивал об этом. Однажды, потеряв терпение, рассердился:

— Ты что же, всегда такой будешь? Я тебя не понимаю. Если ненавидишь меня, то почему не помогла перебраться к предкам? Сделать это было очень легко.

— Зачем? Чтобы стать женой Даритай-отчигина?

— Кто тебе сказал это?

— Сам Даритай-отчигин.

— Помоги мне сесть. — Опираясь на ее плечо, он приподнялся, стиснул зубы, посидел так, унимая боль, приказал: — Пошли Хо к Даритай-отчигину. Пусть он идет сюда.

Даритай-отчигин, увидев Есугея сидящим, зажмурился в счастливой улыбке.

— Уже встаешь, мой любимый брат!

— Уже встаю. Скоро буду крепко держать в руках плеть... Я что тебе говорил, когда уезжал?

— Ты много говорил. Но я все исполнил.

— Об Оэлун я тебе что говорил?

— Чтобы я берег ее, не позволял никому обижать. Все твои золотые слова помню.

— Что еще говорил?

— Еще? Чтобы все у нее было: еда, питье, одежда. Разве не так, дорогая невестушка?

— А если я буду убит, что ты должен был сделать с Оэлун?

— Я должен был отправить ее домой.

— Ты сказал ей это?

— Что я, без головы! — обиженно вскинулся Даритай-отчигин. — Она бы только и думала, чтобы ты умер.

— Рыбу не поймаешь за хвост, тебя не уличишь в криводушии, — устало сказал Есугей. — Но когда-нибудь твоя хитрость обернется против тебя самого. И горько тогда будет, и никто не захочет тебе помочь.

Выпроводив брата, Есугей сказал Оэлун:

— Такой уж он есть, другим его, наверное, не сделаешь... — Задумался, помолчав, заговорил о другом: — Жизнь наша трудна, полна опасностей. Людская вражда укоренилась в степях. Чуть зазеваешься — твои стада захватят, твою юрту ограбят, тебя убьют или сделают рабом. Сейчас мы должны быть ближе друг к другу, человек к человеку, род к роду, племя к племени. Только так мы выживем. Но этого очень многие не понимают. Каждый думает лишь о себе. Мы слабеем, а враги усиливаются. Злокозненные татары за наши головы, за нашу кровь получают от Алтан-хана китайского шелковые ткани и железные котлы.

А мы не можем как следует посчитаться с ними. Трудные времена наступят, Оэлун. Будь со мною рядом. Забудь свои обиды. Ты мне очень нужна, Оэлун. Без тебя я как меч без рукоятки, как седло без стремян. Ты вернула меня к жизни, в твоей воле сделать меня сильнее.

Оэлун чувствовала, что все его слова — от сердца. Да, он нуждается в ней, она ему нужна... Видно, небо предопределило ее путь, и надо ли противиться предопределению?

Есугей поправлялся быстро. Едва начав ходить, он потребовал лошадь. Оэлун поехала с ним. Лошади шли шагом. Ослепительно сверкали заснеженные сопки, в морозной тишине звонко брнчали удила, из лошадиных ноздрей струился горячий пар и серебряистой изморозью ложился на гривы. Оэлун тронула поводья, лошадь перешла на рысь, потом понеслась галопом. Холодный ветер обжег щеки, выжал из глаз слезы, но Оэлун все подстегивала лошадь и мчалась по всхолмленной сверкающей равнине. Стремительный бег скакуна рождал ощущение воли, и сердце сжималось от пронзительной радости.

Лошадь замедлила бег. Оэлун оглянулась. Есугей остался далеко позади — черная точка на белом снегу. Если бы так вот можно было умчаться от своей судьбы!

Глава 6

Сдвинув на затылок малахай, Чиледу долго вслушивался. Шуршали жесткие листья осины, тихо шептались вершины сосен — ни одного постороннего звука. Но ему все время кажется, что за бронзовыми стволами сосен кто-то есть, чей-то взгляд сторожит каждое его движение. Чиледу хотел было подождать Тайр-Усуна с нукерами, сказать ему, что... А что он скажет? Дозорному полагается доносить о том, что он видит и слышит, а не о том, что ему чудится.

Вот уже несколько дней они идут вниз по Селенге, по ее правому берегу. Горы здесь подступают прямо к реке, местами скалистые кручи обрываются у самой воды. И лес вплотную придвинулся к реке. Над заводями свисают кусты черемухи с багряными увядающими листьями, на высоких песчаных ярах стоят могучие сосны, в узких падах белеют стволы берез. Здесь родина его предков. Чего ему бояться на земле прадедов? И за что бояться, за свою никому не нужную жизнь?

Чиледу больше не останавливал лошадь, не прислушивался. Он ехал по крутому песчаному яру. Слева, далеко внизу, извивалась Селенга, ее протоки петляли, захлестывали острова, заросшие кустарником. Лошадь набрела на тропу, припорошенную рыжей хвоей, и стала забирать вправо от реки, в густой лес. Неожиданно впереди за деревьями Чиледу увидел воду. Это была не Селенга, а ее приток — Уда, река хори-туматов. Где-то здесь, на ее берегах, они охотятся и пасут стада.

В устье этой реки Тайр-Усун назначил место для ночевки. Чиледу проехал немного вверх, увидел широкую поляну и спешил, осмотрелся. Лес обступил поляну с трех сторон, за рекой возвышался высокий холм, его склон, обращенный к воде, был крут, из земли выпирали серые скалы.

Пока Чиледу осматривался, у него снова возникло ощущение, что за ним следят, и он до звона в ушах вслушивался в шорохи леса, но ничего подозрительного обнаружить не мог. Вскоре подъехал Тайр-Усун с шестью нукерами, и Чиледу успокоился. Расседлали и отпустили пастись лошадей, натянули для нойона походный шатер. Вдруг из леса неслышно появились три вооруженных луками воина, один направился к ним, двое отрезали путь к лошадям. Нукеры схватились за оружие, но воин, что шел к ним, поднял руку. И сразу же из леса со свистом прилетели две стрелы, словно ножом пересекли натянутые ремни шатра, и он осел на землю. Тайр-Усун снял с пояса саблю и бросил себе под ноги. Вслед за ним то же сделали все нукеры. Воин подобрал оружие, сложил в кучу, поднял лук над головой. Из леса выехал всадник на гнедом коне, за ним высыпали шесть человек пеших. Всадник был совсем юный, почти мальчик. Как он ни старался выглядеть суровым, в возбужденно поблескивающих глазах было больше любопытства, чем строгости.

— Мы люди славного багатура, повелителя меркитов Тохтобеки, — обиженным голосом заговорил Тайр-Усун. — Держим путь к вождю хори-туматов Бэрхэ-сэчену. Почему вы подстерегаете нас на тропе?

— Бэрхэ-сэчен — мой отец, — гордо сказал юноша. — Меня зовут Дайдухул-Сохор.

— Проводи нас к отцу, Дайдухул-Сохор, и верни оружие.

— К отцу проведу. Он и решит, вернуть ли вам оружие.

Ночевали тут же, под бдительным оком хори-туматов. Утром отправились в путь. Их вели по узким охотничьим тропам. На другой день под вечер пришли в курень Бэрхэ-сэчена. Юрт было

не очень много, большинство жилищ сделано из шкур диких животных. Люди здесь не носили длинных халатов. Верхняя одежда из шерстяной ткани, а чаще всего из выделанной мягкой кожи не достигала колен. Она казалась смешной, словно шутки ради все пообрезали полы. Но позднее Чиледу понял, что такая одежда очень удобна в лесу — не цепляется за сучья и ветви.

Бэрхэ-сэчен разговаривал с ними в просторной юрте, застланной медвежьими шкурами. Тайр-Усун разложил перед ним подарки: пеструю шелковую ткань, нож в серебряных ножнах, бронзовые чаши и сосуды, железный шлем, украшенный насечкой.

Чуть наклонив голову, Бэрхэ-сэчен поблагодарил Тайр-Усуна. Седой, с худым, болезненным лицом, он, кажется, был равнодушен ко всему на свете.

— Что приехали просить, меркиты? — спросил он Тайр-Усуна.

— Мы приезжаем только просить?

— Нет, когда вам удастся, вы берете не спрашивая.

— Разве мы плохие соседи? — хмуро удивился Тайр-Усун. — Мы много лет не враждуем с вами. Неужели вы помните старые времена? Но и тогда к людям вашего племени мы относились особо. Пленным мы сохраняли жизнь. Они становились во всем равными с детьми нашего племени. Да вот Чиледу... Его дед родился здесь. А он мой нукер, равный со всеми. Разве это не так, Чиледу?

Под беспокойным взглядом выпуклых глаз Тайр-Усуна Чиледу приподнялся.

— Это так.

— Ты помнишь своего деда? — спросил Бэрхэ-сэчен.

— Нет.

— А как его звали?

Чиледу назвал имя деда, Бэрхэ-сэчен пристально посмотрел ему в лицо, поднялся.

— Вы устали с дороги. Время позднее. Разговор продолжим завтра.

Тайр-Усуна поместили в отдельной юрте, нукеров — всех вместе. Уходя к себе, Тайр-Усун сделал Чиледу незаметный знак — зайди. В юрте он быстрым шепотом сказал:

— Постарайся поговорить с ним так, чтобы тебе поверили. Молчи о нашем поражении. Мы должны заручиться их поддержкой, чего бы это ни стоило. Ты понимаешь? Будешь ум-

ным — я никогда не вспомню волов и повозку. От тебя будет зависеть многое. Я это знал еще там, потому и взял с собой.

Чиледу не пошел в свою юрту. Присел на седло, закрыл лицо руками. С тех пор как у него отобрали Оэлун, все, что бы он ни делал, кажется ему пустым, бессмысленным. А Тайр-Усун хочет, чтобы он в чем-то убедил этих людей. Что может песчинка, гонимая ветром?.. Его жизнь поддерживает лишь вера, что он сумеет отомстить Есугею. Когда этому рыжему разбойнику станет так же больно, как больно ему сейчас, душа обретет покой.

Курень спал. У юрты взвизгивала собака, далеко в горах утробно рывкал изюбр. Кто-то тронул Чиледу за плечо. Он поднял голову. Перед ним стоял Дайдухул-Сохор.

Он провел Чиледу снова в ту же юрту, где их принимал Бэрхэ-сэчен. На этот раз вождь хори-гуматов сидел у жарко пылающего очага, поджаривал на углях кусочки печени, неторопливо ел. Чиледу отказался от угощения, лишь выпил чашку прохладного, кисловатого дуга⁹. Дайдухул-Сохор, как и его отец, стал жарить печень. Кроме них в юрте никого не было.

— Твой нойон приказал тебе что-нибудь выведать у нас? — спросил Бэрхэ-сэчен.

Чиледу смутился под его пронизательным взглядом.

— Можешь не отвечать, это и так понятно. Молод он, твой нойон... Тебе нелегко живется у меркитов. Помолчи. Ты невесел, твои глаза пусты. Ты знаешь, кто был твой дед? Это был старший брат моего отца. Но мы слышали, что он умер молодым, никого после себя не оставив.

— Да, он умер рано. Но после него остался мой отец. Недавно и отец мой умер тоже. — Чиледу вздохнул. — А мать умерла давно.

— Братья, сестры есть?

— Нет, я один. Ни братьев, ни сестер... ни жены. — Чиледу не мигая смотрел на огонь.

— Оставайся у нас. Мы найдем тебе жену, поставим юрту. Мы не так богаты, как твои хозяева — меркиты. У нас меньше коней и овец. Но охота дает нам пищу и одежду...

— Нет, — Чиледу покачал головой. — Возможно, я когда-нибудь и вернусь сюда. Но сейчас... У меня там есть неоконченные дела.

— Смотри, как лучше, — не стал настаивать Бэрхэ-сэчен. — Ты хочешь, чтобы нойон знал о нашем родстве?

— Мне все равно...

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГА 1 ГОНИМЫЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	26
Глава 6	34
Глава 7	41
Глава 8	47
Глава 9	52
Глава 10	60
Глава 11	63

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1	69
Глава 2	74
Глава 3	84
Глава 4	90
Глава 5	96
Глава 6	101
Глава 7	105
Глава 8	112

Глава 9	117
Глава 10	121
Глава 11	128
Глава 12	133
Глава 13	141

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1	145
Глава 2	154
Глава 3	165
Глава 4	178
Глава 5	191
Глава 6	198
Глава 7	208
Глава 8	223

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1	233
Глава 2	241
Глава 3	248
Глава 4	253
Глава 5	261
Глава 6	269
Глава 7	273
Глава 8	284
Глава 9	293
Глава 10	299
Глава 11	303
Глава 12	312

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава 1	317
Глава 2	330
Глава 3	338
Глава 4	344
Глава 5	352
Глава 6	356
Глава 7	367
Глава 8	375
Глава 9	380
Глава 10	385
Глава 11	399

КНИГА 2
ГОНИТЕЛИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1	409
Глава 2	414
Глава 3	427
Глава 4	435
Глава 5	442
Глава 6	446
Глава 7	457
Глава 8	463
Глава 9	467
Глава 10	472
Глава 11	478
Глава 12	484

Глава 13	494
Глава 14	501
Глава 15	509

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1	521
Глава 2	529
Глава 3	533
Глава 4	540
Глава 5	546
Глава 6	551
Глава 7	557
Глава 8	563
Глава 9	578
Глава 10	583
Глава 11	588
Глава 12	594
Глава 13	597
Глава 14	600
Глава 15	607
Глава 16	610

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1	620
Глава 2	627
Глава 3	632
Глава 4	640
Глава 5	648
Глава 6	650
Глава 7	663

Глава 8	671
Глава 9	676
Глава 10	682
Глава 11	689
Глава 12	692
Глава 13	702
Глава 14	709
Глава 15	714
Глава 16	718

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1	722
Глава 2	725
Глава 3	731
Глава 4	740
Глава 5	749
Глава 6	753
Глава 7	762
Глава 8	767
Глава 9	776
Глава 10	785
Глава 11	789
Глава 12	802
Глава 13	805

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава 1	811
Глава 2	815
Глава 3	820

Глава 4	825
Глава 5	832
Глава 6	839
Глава 7	844
Глава 8	846
Глава 9	852
Глава 10	859
Глава 11	862
Глава 12	871
Глава 13	876
Глава 14	880
Глава 15	890
Глава 16	893
Глава 17	899
Глава 18	910
ПРИМЕЧАНИЯ.....	913